ДЕНЬ ПОЭЗИИ

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
НАШ САЙТ: denlit.ru

Клятвенная чаша

Ренат ХАРИС

Поэма

В год 6493 (985). И заключил
Владимир мир с болгарами,
и клятву дали друг другу,
и сказали болгары:
"Тогда не будет между нами мира,
когда камень станет плавать,
а хмель тонуть".
"Повесть временных лет"

* * *

Я круглый камень
бросил в Волгу с кручи,
и он сверкнул, дно озарив огнём.
(Так луч порою разрывает тучи...)
И древний век –
сомкнулся с новым днём!

И прокатились кольца волн, переча
теченью лет, что тают вдалеке.
И всплеск от камня
двинулся навстречу
волнам, гонимым ветром по реке.

Отдавшись воле волн, я то ныряю
в глубины Волги, достигая дна,
а то с потоком дерзостно играю,
вдаль уплывая через времена.

Я погружаюсь в струи дум горячих,
в них растворяясь,
как в воде речной,
перемешавшись
с пляской капель зрячих
и говорящим ветром над волной.

Я стал землёй.
Мой путь безмерно долог...
Во мне – века. Исследуй, археолог!

* * *

...Возле Днепра, на берегу высоком
стоит Перун, тьму прожигая оком,
а князь Владимир, встав на косогор,
швырнул полено крепкое в костёр.

Взлетела к небу туча искр слепящих,
сорвав средь ночи сов
на ветках спящих,
и свет багровый чащу окровил,
и лик Перуна ужас искривил.

И обожгло сверкающее пламя,
усы Перуна, взмывшие, как знамя.

И князь Владимир,
будто звоном струн,
вспугнул мрак словом:
"Мир тебе, Перун!

Благодарю тебя! Перед тобою –
горит полено, брошенное мною.

В том вижу я благословенный знак,
как будто то – взращённый нами злак.

Снесу я всё – удары и пожары
и двину рать в Великие Булгары,
поскольку царь булгарский –
Мухаммат –
купцов пустился грабить из засад,
дома их сделав жалкими гробами,
а их самих вдруг обратив рабами...

О, Русь, твой лик, где чёрная зола,
в крови врагов отмою добела!

Благослови, Перун!
Со мной Добрыня,
его душа сияет, как святыня,
а за спиной – дружинников ряды,
чьи копья остры, а мечи – тверды.

Пошли, Перун, твоё благословенье –
пускай взлетит до туч народа пенье
и, нам даруя слаще всех чудес,
на Киев счастье спустится с небес!..".

* * *

...И князь сошёл –
туда, где Днепр бежит,
листая волны,
как страницы книжник.
Щитами лодок каждый борт обшит...
А князь в руках несёт
с собой булыжник!

Весь Киев утром к берегу идёт,
где князь готов
плыть за врагом по следу,
и русский люд ему удачу шлёт,
ну, а Руси – и славу, и победу.

Взойдя на острый нос своей ладьи,
князь бросил людям клич
под облаками:
"Мои родные, близкие мои,
в моих руках вам ясно виден камень?

Моё решенье – камня тяжелей,
который в Днепр
я брошу нынче смело.
Коль слово дал – то силы не жалей:
или нырни за ним,
иль сделай дело...".

И князь булыжник бросил
в недра вод,
уняв смятенье, что тревожит душу.
И стон протяжный выдохнул народ,
увидев мать Владимира – Малушу.

И словно чайки голос прозвучал,
опять родив
в сердцах людей кошмары:
"Не покидал бы, княже, ты причал,
и не водил бы воинов в Булгары.

Кровь отмывая с воинских одежд,
истёрли руки матери до крови.
Истлели в душах капельки надежд,
устав от горя днями хмурить брови.

Уж сколько лет отец твой Святослав
мне ранит душу долгими годами,
среди днепровских сгинув переправ.
Теперь и ты идёшь его следами...".

И в этот миг
дохнул с высот Стрибог,
грудь парусов наполнив ветром туго.
И, покидая свой родной порог,
уплыли лодки, торопя друг друга.

Плескался в берег голубой поток,
над отчим краем
небосвод был светел.
И не услышал над рекой никто,
что князь Владимир матери ответил...

* * *

В шатре высоком, лёжа на коврах,
витая слухом в сказочных мирах,
царь Мухаммат внимал стихам поэта,
что в честь его он сочинял с рассвета.

Но тут вбежал примчавшийся гонец.
"О, ильтабар ! Нам близится конец!
С той стороны,
где спать ложится солнце,
я видел пыль,
что над степями вьётся,
и плеском вёсел полнится вода!
Знать, к нам с Руси
грозу несёт беда".

И на коврах привстал царь Мухаммат:
"Я и плохим вестям бываю рад,
когда их кто-то вовремя приносит...
Гонцу отсыпьте, сколько он попросит!

И собирайте полководцев в круг
да аксакалов – нынче не досуг...".

Ну, а когда пришли, мудры и седы,
все те, кого созвали для беседы,
царь вышел к ним и вопросил народ:
"С чем нам встречать того,
кто к нам идёт?

Коль у него за пазухою – камень,
его встречать нам с голыми руками?
Или с мечами выйти из-за скал,
иль стол накрыть,
чтоб всем он взор ласкал?..".

И вышел в круг старейший аксакал:
"Того, кто к нам идёт
с тяжёлым камнем,
мы встретим с миром –
и друзьями станем,
не пожалев для них горячих слов.
Они – соседи. Надо слать послов".

"Ты справедлив!" –
глаза царя зажглись.
И поддержал его слова меджлис...

(Гул этих слов я услыхал в груди,
как будто это – дальний гром гудит!
И этот гул стелился по земле,
качая воду и клубясь во мгле.

О, археолог! Вскрой пласты песков –
услышишь в них
слова былых веков...)

* * *

В шатре высоком для гостей накрыт
огромный стол,
где блещут чаши, блюда.
Стол не простой – его нарядный вид
всех соблазняет яствами, как чудо.

Лаская слух хозяев и гостей,
слова летят, как птичьи песни в чащу.
Кровь не пуская, не дробя костей,
по кругу носят клятвенную чашу.

Из года в год – мы рубим, как леса,
друг друга в битвах,
не чураясь боли...
А столько душ умчалось в небеса,
через века летя, как через поле!

Земля устала слышать стук голов,
летящих с плеч в боях неутомимых.
Грядущий век
заждался сладких слов,
истосковавшись
по глазам любимых...

* * *

И вот в шатре
все сели чинно в ряд –
Владимир-князь,
Добрыня, Мухаммат,
богатыри Владимировой рати,
Мухаммата и воины и братья.

И встал со словом первым
царь Булгар:
"Нам с русским князем
не чинить впредь свар.
Купцов не грабить,
не пускать их крови,
жить по-соседски –
в дружбе и в любови.
А если эту клятву
мы нарушим –
то пусть нам вынет сталь
из тела душу!".

И он из ножен саблю обнажил –
и перед русским князем положил.
А добрый гул поплыл
вдоль вод и суши:
"Пусть наши сабли
рассекут нам души...".

И вслед за этим
встал Владимир-князь:
"Мы укрепили с Мухамматом связь
и затвердили прочно в договоре,
чтоб кровь не лить,
неся друг другу горе,
вести торговлю не мешать купцам,
дать жить в родстве
отцам и молодцам,
а тем, кто этот договор нарушит, –
Перун пусть гром
на них с высот обрушит,
Стрибог сотрёт
о них в столетьях быль
и над морями их развеет в пыль".

И сняв шелом, поставил его рядом
с положенною саблей Мухамматом.
И добрый гул качнулся, как ковыль:
"Пускай Стрибог
развеет нас, как пыль...".

Водою волжской чашу сам наполнив,
царь Мухаммат её над пиром поднял
и князю дал Владимиру глотнуть –
мол, нашей дружбы вкус не позабудь.

Затем кремень он вынул из кармана
и, чтобы в том не видели обмана,
его пред всеми в чашу опустил –
и на поверхность он уже не всплыл.

И Мухаммат сказал, взмахнув руками:
"Когда в воде
вдруг станут плавать камни,
а хмель потонет в чаше, как сапфир,
тогда меж нами – прекратится мир!".

"Да будет так! –
сказал Владимир громко. –
Пускай из чаши льётся через кромку
по миру дружба наша, как вода.
Из века в век! Отныне – и всегда!..".

* * *

(...И в том шатре – я тоже тайно был,
воды из чаши клятвенной испил,
и та вода – мне душу оросила,
чтоб в ней навеки укрепилась сила...)

Перевод с татарского
Николая Переяслова

И трубный гул и звон литавр...

Валентина БЕЛЯЕВА

* * *

Там взгляд, расплющенный перстом
"Высокой праведной десницы",
Узрит, как русские криницы
Молчат светящейся золой.
Там под неведомым мостом
На пир бродяга опоздавший
К груди прижмёт листок упавший
И пропадёт безлунной мглой.

Там крылья скорбных лебедей
Мелькнут на сумрачном восходе,
И, вмиг застыв на небосводе,
Рассыплют перья по холмам.
Под звоны дрогнувших церквей
Резвясь, игривый ветер спешно
Их за предел земли небрежно
Сметёт бесследно, словно хлам.

Там свет далёких старых звёзд
Мерцает тихо сизым мраком,
И кости свежие собакам,
И крик распахнутых дверей.
И чьи-то тени цепью вёрст,
До крови сбив босые ноги,
Бредут по каменной дороге
За вереницей фонарей...

* * *

Холмы, равнины... Придорожье.
Верста в дыму, чертополох.
Поодаль – чей-то тихий вздох
Сквозь нежно блещущие росы.
Там Нищий Старец с ликом божьим –
Отшельник ли неисправим,
Стоял над холмиком своим,
Услышав плач седой берёзы.

И долго брёл дорожной цепью,
Не видя будто ничего.
Порой прозрение его
В высокий трепет облачало.
А сивогриво-пыльной степью
За ним стелились облака.
И в кои, кажется, века
Безмолвье истово кричало.

О дух времён!.. С негодованьем,
Обрушив неба мутный вал,
Разверзнув землю, завывал
Звериной стаей вихрь безвестный.
А Нищий Старец изваяньем,
Как летописный пилигрим,
Всё шёл себе, уже незрим.
И белый свет вставал над бездной...

* * *

Всё кругом предавало себя. Грохотало.
В этой дышащей тьме возгоревшихся глаз...
Обезумев, пускалось в языческий пляс
В переливах гирлянд
из раскрашенных листьев...
Этот жреческий гул из утробы металла –
Вулканической лавы симфоний и од...
Ты бессилен припомнить – какой уже год
Слышишь возгласы труб
их космических истин...
Это жадное племя... Ах, род вездесущий
Сокровенных пределов пленённых планет!
Сколько лет в его дланях – горят, сколько лет!
Летописные свитки дотла. Час неровен...
И сквозь дыбы времён – чей-то голос зовущий
Из кристальных горнил белокаменных плит...
Это кто там в накидке Господней стоит?
Кто кресты водружает из мачтовых брёвен?..

* * *

Там, вдали, в алой мгле,
трепетало Мгновенье!
Зачарованной птицей рвалось под окном!
И в пространстве твоём – в мирозданье ином
Упоительно жарко о чём-то шептало...
Как ничтожен был миг,
не познавший сомненья!..
Как предательски скрылся
от глаз без следа...
А Мгновенье, сверкая крупинками льда,
На плечах безмятежно твоих засыпало...

Оглянулась, а там – листик, в ноги летевший.
Молчаливая роща озябших осин.
Губы шепчут о чём-то... Проси, не проси...
К облакам –
нежной змейкой дымок над кострищем.
Да фонарь у дороги внезапно ослепший
Уплывал в чисто поле заветренной мглой...
А Мгновенье твоё, покружившись юлой,
Хохотало визгливо юродивым нищим...

* * *

Сколько лет ты всё тащишь себя сквозь пургу.
А куда, представляешь хотя б отдалённо?
Выйдёт волк на опушку и взгляд удивлённый
Кинет в спину согбенную, тихо рыча.
Этот след, утопающий в рыхлом снегу...
Ты оставишь на нём холстяную котомку
С горьким запахом слипшихся зёрен
потомкам,
Ощущая во рту аромат калача...

Сколько лет ты всё тащишь себя. По мостам,
Берегам и дорогам, обочинам белым.
Но ты разве один? За холмом задубелым
Чуть скрипя затихают колёса телег.
Выйдет волк на погост к молчаливым крестам
И, тебя поджидая, сольётся с их тенью...
А ты, вспомнив свою синеглазую келью,
Обернёшься...
А там только снег. Белый снег...

С ВЫСОТЫ ПОДНЕБЕСЬЯ

Бредёт толпа... И ты, оголодавший,
Не помнишь вечных истин древних притч.
И крест несёшь, и палицу, и бич,
И флаг, и лик оплавленной иконки.
О чём ты мыслишь, время потерявший?
А вон, гляди, у рощи – водопой.
Чуть смеркнется, и мордобой
Начнётся там, у плещущейся кромки.

Твой взгляд темнеет и сникают плечи...
И странно... Разве ты – средь белых лун,
Среди симфоний их летящих струн?
Но что ж твоя душа кричит и рвётся!
Ты мыслил видеть праздничное вече?
А там – мостки над жижей, люди пьют.
И вон уже кого-то рьяно бьют.
И трубный гул, и звон литавр несётся...

* * *

Что ты знаешь, скажи, о возвышенной грусти,
Об огромной душе, охладевшей, пустой,
О старинной иконе над свечкой святой
И о времени этом в обличии монстра?
Неужель ты не видишь, моё захолустье,
На ветвях молчаливых берёзовых крон –
Эту белую-белую стаю ворон?
Не ордынское ли золотое потомство?

И не ты ль эту землю, не зная гордыни,
Сохранишь
для свистящих имперских ветров –
Вдоль обочин, долин и заросших бугров –
Под крестами, вон там, у зелёного устья?
И в грязи утопающей вечной святыней,
Как живое зерно на чужой борозде,
Тихо дышишь, спустившись к болотной воде,
Не виновно ни в чём ты – моё захолустье...

* * *

Эта стылая гладь бесконечной реки...
Покатившийся грохот над яблоней спелой...
Что за музыка? Шнитке ли вихрь оголтелый
С оглушительным рёвом ворвался в твой мир?
Что за птицы с коронами, словно божки,
Искупавшись в грязи, облепили деревья,
И кричат, распушив заблестевшие перья,
Представляя тебе звуки ангельских лир...

Эти мутные ряби болот и озёр,
Беспредельная даль под когтём ястребиным...
Эти лживые краски ничейной картины,
Где ни вёрст, ни фонарных столбов,
ни границ...
Сколь ни глянешь –
листвы безупречный узор
Меж кленовых стволов
на черневших кострищах
Да сокрытые плесенью влажные днища
В журавлином безмолвье застывших криниц...

* * *

Двойник ли, временщик какой
по следу за тобой
Невидимою тенью из песков ветхозаветных
Кладёт на плечи руки невесомо, незаметно,
Не чувствуя, как твердь у ног
отчаянно дрожит?
И кто ж из вас двоих
твоею властвует судьбой?
Где дуб столетний под окном
уродливо подпилен,
И маятник часов замрёт,
лишь ухнет где-то филин,
И с живостью воинственной
опять замельтешит...
Как жалок ты среди пещер и угольной пыли,
Где разум первобытный твой
до ужаса ничтожен!
Где свой же вздох услышишь
леденеющею кожей,
И след твой на земле
заглотит нежная заря...
Откуда чуть виднеются из меркнущей дали
Упавшая полярная звезда нагой жар-птицей.
Да раненые крылья журавля
твоей криницы
На дымном пепелище у подножья алтаря...

А Земля
нам была
колыбелью.
У зажжённых
наследных
огней
Мы качались
с тобой
вместе с ней,
Повзрослев, –
глядя в сумрак
растленный.

* * *

Воздух плещет, искрит. Это царство зеркал...
Уползавшим закатом, восходом ли ранним –
Без сомнений каких – его острые грани
За тобою незримо потянутся вслед.
И что трепетно нёс, что берёг, отвергал,
Зеркала украдут и бесстрастно умножат.
Засмеявшись беззлобно, к окошку возложат
Полевых разноцветий охапку в рассвет...

Зеркала, зеркала... Отражённым лучом
Обожгут твоё сердце в бреду состраданья,
Обернут в задымлённую мглу мирозданье,
Где в звериной тоске рыщет старый шакал.
Где змеиное вервие древним бичом,
Рассекая пространство аккордом Шопена,
Упоённо играет средь облачной пены
Отраженьем твоим от осколков зеркал...

* * *

Я – Луна... Это мой ослепительный иней
Хрупкой гладью на глыбах печальных камней
Опускается в тьму мельтешащих теней,
Заслонивших собою твердыню планеты...
Это мой нежный луч на земные пустыни
Дышит в страхе среди их пленённых сердец...
Не гляди же на Землю свою, о Творец,
Зажигая лампаду восточного света!

Не гляди мне вослед...
Да, я – странная дева!
Покидая орбиту в крутом вираже,
Устремляюсь в пространство чужих рубежей –
Возгореться чистейшим огнём Антимира...
Где услышишь прекрасного Леля напевы,
И где нет канонады славянской войны...
Где в тяжёлых объятьях бессмертной вины
Вздрогнет вечность
картиной кровавого пира...

* * *

Нас лишь двое на целой планете...
А запястья мои за спиной
Да душа в жажде корки ржаной
Крепко связаны дланью плебейской...
И с тобой в ослепительном свете,
Создавая сюжеты, холсты,
Мы бредём по колючкам пустынь
В завидневшийся ужас библейский...
Где восходы, звеня птичьей трелью,
Опускались в разнузданный пир.
Где забрызганный кровью весь мир
Стал для нас многоликой вселенной...

И нам общим стал путь обречённый,
Где мы прячем виновно глаза,
Где, своё отгорев, небеса
В ноги кинулись белой луною...
И в синайской глуши заметённой
Ты, укутавшись в складки плаща,
Под нетленным венцом палача
Водрузишь древний крест предо мною...

* * *

Ты впервые взволнован так!
Словно обрёл
Целый мир для себя одного.
Вот и рвётся
Сердце в небо, откуда фонтанами льётся
Незнакомый ещё,
ослепительный свет!
Облака ль над тобой?
Разве там не Орёл
Обнимает пространство резными крылами?
А мгновеньем – за лесом, рекою, холмами
Камнем бросится вниз.
И его больше нет...

Но тебя так манит эта белая высь,
Эта дикая сладость летящих мгновений!
И ты боле не помнишь
скользнувших сомнений.
За спиною кричат два живых бугорка!..
И покоя не даст та безумная мысль,
Что, взрывая как клетку твоё подреберье,
Обернётся сокровищем облачных перьев
Да отчаянно бьющейся жилкой виска...

А живая стихия Орла – в небесах!
Но ты истину эту
отвергнешь во гневе –
Два огромных крыла
в распахнувшемся небе!
Ты целуешь украдкой уста в образке...
И заснеженной высью в горящих глазах
Воспаришь, отдавая долги своим грёзам...

И увидеть дано лишь холмам да берёзам,
Как четыре крыла бьются в красном песке...

Ангелы стражей на крышах стоят...

Александр АНТИПОВ

* * *

Милая, это глупость, что я умру,
Даже когда я стану неосязаем.
Старые фото волей-неволей врут,
Но существуют вместо своих хозяев.

Старые фото передают черты
И никогда о будущем не пророчат.
Вспышка мигнула – и по привычке ты
Замер в попытке
собственного бессрочья.

Вот бы, как рану, память перевязать,
Сделаться копией
мальчика с фоторамок,
Где у него честнее моих глаза,
Где вспоминать о прошлом
смешно и рано.

Перед собой когдатошним я стою,
Осознавая: Боже, как время тонко!
Дети, взрослея, больше не узнают
Даже самих себя
на потёртых плёнках
И примеряют тени своих отцов,
Чтобы отцы всегда оставались живы.
Наша планета – чёртово колесо
С функцией обновления пассажиров.

Но, прорастая в детях, как новый сад,
Мы не сойти с неё получаем шансы.
Милая, это глупо – держаться за
Тех, кто не стал бы сам
за тебя держаться,

Тех, кто на старых фото
с тобой заснят,
Но от кого осталась живая пустошь.
Милая, я прошу до крика –
держи меня,
Чтобы я верил в то,
что ты не отпустишь.

Сердце возьми и фото мои возьми,
Чтобы на фоне
самых бедовых бедствий
Мы, как сады листвой,
поросли детьми,
Как горизонт в закат,
прорастая в детство.

Нам умирать с тобою – вообще никак,
Даже когда закружится
старость вальсом.
Наша прямая суть –
не застыть в веках,
Но продлеваться, милая,
продлеваться
Вдоль поколений звуком имён своих
В детях, что нашу молодость
подобрали
И узнавать себя, узнавая их
На отпечатках будущих фотографий.

* * *

В городе чайки
над речкой подутренней
Кланялись небу, будя облака.
Ты, уходя, мне шептала:
"Подумаешь...
Я и сама не хочу привыкать".

И отводила глаза свои карие,
Глядя на крохотных чаек в окне.
Но, уверявшая в непривыкании,
Неприкипании сердцем ко мне,
Ты мне врала,
так по-детски наивная –
Только бы не показаться слабей.
С этим своим равнодушьем
наигранным
Ты мне врала, а как будто себе.
Девочка милая, девочка-умница,
Локон пушистый на смуглом плече,
Звонкая, словно апрельская улица,
Чем я помочь тебе мог? Да ничем.

Девочка, мне совершенно случайная,
Чью тишину не смогу я согреть,
Как ты похожа
с московскими чайками
Наспех гнездящимися у рек.
То ли не видя от моря отличия,
То ли не зная вообще о морях,
Движимы чайки
инстинктами птичьими.
Что же ты, птица ночная моя,
Так неразборчива и беззастенчива,
Сердце привыкшая оборонять?
Чайка,
не вовремя ставшая женщиной,
Морем считающая меня.
Высохну я, обмельчаю безжалостно,
Не сберегу, ни тебя, ни прибой.
Не торопись с океаном, пожалуйста,
Если зовёшь океаном любовь.
Пусть будет наше прощанье
небрежное,
Пусть будут слёзы с обидой и без –
Я не хочу стать концом
твоей нежности.
Зная, что большее где-нибудь есть,
Не соглашайся со мною на меньшее –
Этим ты будешь смелее меня.
Девочка-чаечка, девочка-женщина,
Счастье не строят на голых камнях.
А по-другому у нас не получится.
Знать, что уже – ничего впереди,
Это, наверное, всё-таки лучше ведь,
Чем Вавилоны себе возводить...
Пыльное утро, и ставшая тесною
Комната, и подоконник в цветах,
И каблучки,
что спускались по лестнице –
Всё это было неправильно так.
Та же листва
распускалась над городом,
Те же соседи курили в окно,
И непохожие две наших гордости
Были по-прежнему заодно.
Мне не впервой
провожать этих беженок,
Но в первый раз без уловок пустых
Перед обычной
и маленькой женщиной
За нелюбовь я испытывал стыд.

* * *

Небо не спрячешь в тюрьму потолка.
Детское племя крылато пока
И никому эту тайну не выдаст.
Ты удивишься, поняв, что рука
За ночь внезапно твоя оперилась.
Жизнь – это то, что даётся на вырост
И потому для иных велика.

Но протанцуй свою роль мотылька,
Все мотыльки опаляют бока,
Чтобы тела их огнём говорили.
Даже когда от меня ни звонка
И повзрослевшее небо закрыли,
Думай о нём так, как думал Икар,
Гордо нося самодельные крылья.

Думай о небе сейчас и всегда
В поезде, в доме, в осенних садах,
Чтобы окрепли твои восковые.
Лебеди на Патриарших прудах,
Слышал я, гнёздышко новое свили.
Значит, и мы возвратимся туда –
В тысячный раз
не откладывай вылет.

В этом ребячестве нашем с тобой –
То, что потом называют любовь,
Если, конечно, дано ей свершиться.
Небо не терпит ханжей и рабов,
Так же как ты ненавидишь столицу.
Небо – есть временный фотоальбом,
Где облака заменяют страницы.

Думай о нём, чтобы вспомнил и я,
Как невесома фигура твоя,
Чтобы могла ты заметить, не силясь,
В наших глазах синеву по краям.
Небу поведав про нашу двукрылость,
Ангелы стражей на крышах стоят,
Чтобы и в нас это небо случилось.

* * *

Идёшь, а город за спиной
Твоей маячит.
И в прошлом он почти такой,
Как в настоящем.
И ты к нему привык сполна,
Неотвратимо.
Всё те же люди и страна
Тебе любимы.
Всё те же чайки у реки
Орут ночами.
И ничему не стать другим
И, замечая,
Как постаревшая луна
Волну качает,
Ты даже рад, что жизнь одна
И ты – в начале,
Что май, который догорит,
Тебе приятен,
Что в жизни этой – ни обид,
Ни белых пятен,
Что поутих твой личный шторм,
Который кряду,
И никого и ни за что
Прощать не надо,
Что вечер кажется свежей,
Чем быть он может.
И ты, к себе почти уже
Привыкший тоже,
Идёшь, такой весь, как в кино –
Под фонарями,
А город за твоей спиной
В огни ныряет.
Но до него ни слов, ни дел,
И к чёрту жалость.
Остановись. В седой воде
Не отражаясь,
Смотри, как звёзды над рекой
Рисуют прочерк,
И помни эту жизнь такой,
Какой захочешь.